

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
МЕТАФИЗИКА ЛЕЙБНИЦА
И ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ВИРТУАЛЬНОСТИ
(20–21 июня 2012, Каунас, Литва)

ОБЗОР

Конференция с таким названием прошла в Каунасе на базе Университета Витаутаса Великого. Философы и логики из Литвы и России собрались на двухдневную конференцию, чтобы актуализировать философию Лейбница в современном контексте. Анализ наследия Лейбница и феноменология виртуальности не исчерпывают содержания работы конференции, скорее, названные пункты обозначают полюса, источники различных силовых и смысловых линий, которыми выступили доклады участников. Указанная полярность проявилась также и в организации пространства проведения конференции. Приезжих участников радушные хозяева поселили в небольшом общежитии в старом городе, войдя в которое ощущаешь, как само это место провоцирует стать (пусть и на время) лейбницевой монадой. Уютные сосредоточенные комнаты, выход из комнатных блоков во внутренний двор — всё располагало к свёртыванию в себя, к сосредоточенности на себе. Другим полюсом в этой паре выступила аудитория, в которой проходили научные заседания. Само помещение носит имя известного литовского археолога и антрополога, по стенам аудитории и в коридорах Университета Витаутас Магнус висят работы современных художников и фотографов. Всё это вместе актуализирует другую потребность философа — погрузить мысль в мир, в более широкий контекст.

С постановки задачи включения философской рефлексии в широкий культурный контекст и началась конференция. Как указал в своём вступительном слове *Гинтаутас Мажейкис*, Лейбниц даёт нам пример

фундаментальности мысли не в режиме господства и/или властвования, что хорошо соответствует современным вызовам, стоящим перед философией. Нельзя не отметить примечательную конгениальность с другим событием — буквально за день до начала работы этой конференции в Санкт-Петербурге проходил круглый стол на тему «Как возможно онтологическое обоснование науки», на котором также ставился вопрос о самом характере отношений между наукой и философией и отмечалось, что совсем не обязательно устанавливать старшинство в паре философия-наука.

Далюс Йонкус (Каунас) открыл работу конференции докладом «Рассуждения Лейбница о взаимосвязи души и тела или почему нужна трансцендентальная редукция». Профессор Йонкус заострил внимание на концепции, согласно которой сознание спонтанно и продуцирует своё содержание из себя, но в полном соответствии с внешним миром. Сознание должно мыслиться телесным, чему указано несколько оснований: сознание соединено с желанием и стремлением; сознание сопряжено с не-сознанием; без такого допущения нельзя достигнуть единства мира. Лейбниц критикует картезианское понимание тела как протяженного вещества. Тело обладает силой, которая делает возможным динамическое развитие и стремление к представлению всего универсума из конкретной перспективы. Преодолевая радикальное разделение души и тела, Лейбниц должен показать, как каждая отдельная душа сохраняет автономию несмотря на то, что каждая монада стремится представить тот же мир. В целом докладчик подвёл нас к вопросу: «Можно ли говорить, что совершенная Лейбницем корреляция между явлениями мира и первоначальным устройством сознания соответствует трансцендентальной редукции как она понимается в феноменологии Гуссерля?»

Другую мысль профессора Йонкуса о том, что восприятие мира невозможно *только из одной перспективы*, и отсюда вытекает обращение Гуссерля к монадологии Лейбница, подхватил следующий докладчик, придав «перспективе мира» форму «виртуального сущего». *Евгений Малышкин* (Санкт-Петербург) представил доклад «Виртуально сущее и лабиринт свободы». Сам термин «виртуально сущее» появляется в схоластике, у Дунса Скотта, для обозначения божественного воображения. Но Лейбниц вводит этот термин более строго. Виртуально сущий — это такой, который, не являясь действительным, не является и возможным. Лейбниц вспоминает об этом понятии, когда описывает выбор Богом наилучшего из возможных миров. Причем творение описывается Лейб-

нищем как нечто сложное, как демонстрация самой этой природы, демонстрация, связанная с перебором вариантов. Аналогично дело обстоит и для конечного человека. Встреча с виртуальным происходит каждый раз, когда мы, сомневаясь, раздумываем о том, что же для нас является наилучшим. Но всякое отыскание наилучшего не способно обходиться без волевого акта, то есть без суждения нравится/не нравится. Таким образом, виртуальное — это прежде всего этическое, сопутствующее нраву, сопряженное с воспитанной природой. По-видимому, это означает возвращение концепции «агонального начала» в философию и следующий доклад перекликается с такой мыслью.

Профессор *Гинтаутас Мажейкис* (Каунас) выступил с докладом «Монадология Лейбница: тотальность тождественности и уникальность экстатичности». Показана амбивалентность отношения Лейбница к энтузиазму как таковому: яростный энтузиазм отрицается, но гуманитарный энтузиазм раскрывает монаду, помогает ей осуществиться. Феноменологический инструментарий помогает нам углубиться в проблему. Хайдеггеровское понятие экзистенциала охватывает оба: гуссерлевскую эйдетику и философское понятие экстатичности, которое было раскрыто Лейбницем и заново интерпретировано в экзистенциально-феноменологическом ключе Ж. Батаем. Монадология Лейбница является важной для понимания субъекта как части суждения и, одновременно, бытия, как *внутренняя сила* преодоления субъективной ограниченности и как *воля* к проявлению будущего (именно в этой точке очевидна перекличка с предшествующим докладом). Само-дисциплинированность монады, само-подчинение всеобщим внутренним порядкам было шагом укоренения новоевропейской устремленности к тождеству, повторности того же самого, к согласованию различий. Однако экстатичность монады вместе с тем отражала авантюрную предрасположенность просветительской мысли, предвосхищало романтизм человеческого духа, процессы индивидуации и западный индивидуализм.

Следующий доклад дал нам образчик той формы индивидуализма, которую можно обозначить как «доклад-монада» — нечто весьма прекрасное и неприступное в своей красоте.

Известный феноменолог *Томас Содейка* (Каунас) свой доклад «“Только зеркало зеркалу снится”»: опыт феноменологического прочтения “Монадологии”» посвятил описанию сна Лейбница, записанного им около 1680 г. Жанр отчёта не может передать суггестивную атмосферу, царившую в течение пересказа и разбора сложного мифологического

ряда. Мы лишь выхватим несколько образов. В целом сон символизирует процесс обращения Лейбница к философии. Исходным образом человек пребывает в пещере, сквозь её свод пробиваются лучи света. Интригует замечание, что лишь один из лучей символизирует мышление. Становясь философом, он не ищет выхода из пещеры, но место, освещённое несколькими лучами. Изнурённого стремлением к свету путника спасает посредник высших сил — прекрасный юноша касается его веткой, пропитанной волшебной влагой. Наконец истина открывается сначала взору и лишь потом разуму.

Такая форма чрезвычайно полезна проблематизацией возможности диалога и обсуждения и весьма освежает восприятие научной дискуссии.

Игорь Зайцев (Санкт-Петербург) предложил сообщение на тему «Метафизика ситуации лицом-к-лицу и виртуальность», опираясь на концепции Э. Левинаса и Р. Когена. В докладе виртуальность понята не как метафизическое понятие, но проще — как специфическое цифровое сущее. Общая оценка виртуальности весьма амбивалентна: она и благо, и зло, и нейтральный инструмент. Благо, так как даёт новые возможности. Зло, так как уничтожает живое общение людей, размывает субъективность. Автор отстаивает третью возможность: виртуальное сущее лишь инструмент, оно нейтрально. Требуют толкования эмпирические черты виртуального: (мнимая) анонимность; лёгкость конструирования новой личности/многих личностей (в играх и онлайн общении); сильная (страстная, даже яростная) вовлечённость в сетевую активность. Левинас помогает здесь двумя концептами — экзотичностью эстетического и серьёзностью игры. Виртуальность получает дефиницию комплекса определённости, изолированный от реальности в привычном смысле слова, что, казалось бы, говорит об игровом, ничтожном в своей условности, мире. Но именно игровой характер задаёт силу страстного вовлечения. Общий вывод гласит: «виртуальность не противоречит ситуации лицом-к-лицу, а есть очень удачный пример той фундаментальной близости, которая основа всему: “она раньше чем быть, она этична”». Ситуация «лицом-к-лицу» по Левинасу трудна тем, что требует от входящих в неё открытости Другому и умения открыть себя Другому. Сам Левинас весьма скептически относился к рациональным техникам обеспечения открытости, прозрачности себя Другому, но следующий докладчик предложил убедительный анализ возможностей стратегий развития успешного диалога.

Завершил работу первого дня конференции доклад *Елены Лисанюк* (Санкт-Петербург) «Универсализация действия как аргументативная стратегия». Докладчик выдвинул два положения, историко-логическое и логико-прагматическое. *Первое* состоит в том, что неявной предпосылкой данной идеи у Лейбница выступает ее семантическое понимание, в соответствии с которым такая характеристика может либо сама играть роль значения формализованного выражения, или валёра (вырожденный подход), либо указывать на отношение между таким выражением и приписываемым ему значением (валёром). По-видимому, Лейбниц не принял окончательного решения о том, какой из двух путей счесть адекватным. *Второе* заключается в том, что идея универсальной характеристики, взятая в качестве теоретического основания процедуры универсализации аргументов, находит адекватное применение лишь при условии, что понимается не в духе Лейбница, т. е. не как вырожденная, и не как семантическая, но как динамическая. Применяя оба подхода — вырожденный и семантический — к пониманию лейбницева идеи универсальной характеристики в области аргументации в качестве инструмента для оценки аргументов, получаем вывод о том, что эффективность аргумента производна от стратегии аргументации, к которой он принадлежит, то есть стратегии, избираемой агентом аргументации. Следовательно, эффективность аргумента, или его универсальная характеристика, не есть ни его абстрактное значение (вырожденный подход), ни выражение отношения значения аргумента к его содержанию (семантический подход), но динамическая функция из множества ситуаций диалога, когда данный аргумент принадлежал успешной и эффективной выигрышной стратегии, и множества произвольных значений, например, числовых и т. п., которые таким путем становятся вычислимыми.

Второй день начался докладом *Лауры Иунутите* (Вильнюс) «Проблема бесконечности в метафизике Лейбница и ее интерпретация в философии Ж. Делеза». Тема раскрывалась в два шага. Во-первых, рассмотрена проблема бесконечности в лейбницианской метафизике как множества перспектив, представляющих другие перспективы. Каждая перспектива представляется как центр в бесконечности, из которого можно представить все другие перспективы. А это значит, что единство бытия мира возможно и как множество перспектив (что явно перекликается с тезисом проф. Йонкуса о невозможности, по Гуссерлю, восприятия мира только из одной перспективы). Во-вторых, продемонстрировано каким образом понятие бесконечности Лейбница интерпретируется в философии фран-

цузского постмодерниста Ж. Делеза. Раскрытие укоренённости истоков логики в лейбницианском понятии бесконечности продемонстрировало и основные различия позиций этих двух философов.

Эстафету подхватила *Юрга Ионутите* (Каунас) с сообщением «Апперцепция и животное в философии Лейбница и Деррида». Исходной точкой выступил вопрос, заданный от лица Деррида: если есть вполне научные работы по искусству животных (о строительстве гнёзд, причёсках и проч.), то почему бы не задаться вопросом о философии животных? Вопрос станет осмысленным, если мы покажем способность животных к апперцепции, к некоторому способу удержания равенства с собой. Доклад анализирует различия между малой перцепцией и апперцепцией у Лейбница, тем самым спрашивая о том, какое определение в этой системе достаётся животному. Как это различие пытается развить Деррида, анализируя свое отношение с конкретным животным в конкретной ситуации, и насколько продуктивен его подход? Главный вопрос, поставленный докладчиком: возможно ли вообще отказаться от уничижительного отношения к животному, вытекающему из концепции Лейбница, и (весьма немаловажное добавление) возможна ли артикуляция этого отказа?

Надо заметить, что начало второго дня работы явно вернуло нас к смыслу того двойного движения, ожидаемого от всех участников конференции. Доклад Лауры явил образец «школьного» (в лучшем смысле этого слова) исследования, другими словами — образец движения углубляющейся в себя мысли. А работа Юрги представила мысль, движущуюся в мир, к Другому. Животное — весьма трудная для осмысления форма «другого», и само дерзновение подступа к столь трудной теме искупает некоторую недоговорённость. Истинная задача, конечно, не в том, чтобы качаться на качелях, переходя из состояния углубления в себя в состояние обращённости к миру, но в том, чтобы соединить их в целостную обращённость к миру без потери себя.

Разрабатывая конкретную форму указанной целостности *Лада Цылина* (Санкт-Петербург) обратилась к «Н. Кузанскому, Г. В. Лейбницу и философскому смыслу метафоры зеркала». Прежде всего автор охарактеризовал место метафоры зеркала в гегемонии видения как общей тенденции европейской философии. Обращение к всеобъемлющему *regula coincidentiae* (правилу совпадения) Н. Кузанского позволило развить тему «зеркала истины». Но самым существенным в разговоре о ме-

тафоре зеркала применительно к философии Кузанца и Лейбница является то, что оба мыслителя говорят о живых зеркалах. Кузанский видит источник этой жизни в силе творческого искусства, которая имеет своим истоком произволение Бога. Согласно же Лейбницу, монады локализируются в определенных точках зрения и представляют собой перспективные изображения мира.

Пример перспективного изображения при условии сохранения целостности представила *Наталья Артёменко* (Санкт-Петербург) в своей «Реконструкции учения Лейбница о времени в феноменологической перспективе». Прежде всего, следует иметь в виду три направляющих «классическую» феноменологию времени проекта: 1) концепция времени у Аристотеля; 2) разработка учения о воспоминании у Августина; и 3) трансцендентальная эстетика Канта. Поздняя феноменология Гуссерля перенимает, как представляется, телеологическую постановку проблемы времени у Лейбница. Особым полем того исследования, которое помогло бы выявить мотивы трансформации самой постановки вопроса о природе временного опыта, является выявление взаимосвязи гуссерлевской и лейбницианской модели истолкования времени. За основу феноменологического истолкования философии Лейбница была взята интерпретация А. Гурвича.

Детальную панораму рецепции идей Лейбница представил *Юрий Черноскутов* (Санкт-Петербург) в своём обзоре «Идея универсальной характеристики в логике и философии XIX века». Проанализированы интерпретации лейбницевого проекта универсальной характеристики, предпринимавшиеся в континентальной философии и логике после И. Канта. Основное внимание было уделено сравнительному анализу опытов адаптации этой идеи к различным логико-философским программам (на примере Гербарта, Тренделенбурга, Больцано, Экснера и др.). Вскрыта неоднозначная роль этих интерпретаций в развитии (формальной) логики и (эмпирической) психологии.

И снова от «орлиного взора» на протяжённый период истории логики переход к более «школьной» точке зрения осуществила *Александра Журавлёва* (Санкт-Петербург). В своём выступлении она рассмотрела «Различие бесконечностей как границы универсальной характеристики». Описан проект универсальной характеристики в его соотнесенности с тремя типами бесконечного, выделяемых Лейбницем. Очерчены области, где *characteristica universalis* способна работать с бесконечностью,

и где бесконечность ставит пределы искусственному логическому языку. Доклад завершился несколько неожиданным суждением, уточняющим наши возможности по вступлению в Царство Благодати.

И некоторым апофеозом погружения в мысль как таковую выступил завершающий работу конференции доклад *Анны Глинчиковой* (Санкт-Петербург) «Истоки деонтической логики в философии Лейбница». Автор поставил остроумный вопрос о том, неизменен ли добрый человек в любом из возможных миров? В поисках ответа необходимо иметь в виду следующее. В стандартной историографии логики Георг Вильгельм Лейбниц рассматривается лишь как первооткрыватель закона достаточного основания (отчасти и закона тождества), и иногда за ним признается еще заслуга развития основной идеи семантики возможных миров. На самом деле, достижения Лейбница в логике выходят далеко за эти рамки. В частности, ему удалось вывести несколько основных законов алетической и деонтической модальной логики. А именно: Лейбниц обнаружил, что логические отношения между деонтическими операторами «обязательно», «разрешено» и «запрещено» совпадают с соответствующими отношениями между алетическими операторами «необходимо», «возможно» и «невозможно». Поэтому он считал, что деонтические понятия могут быть определены через алетические посредством «логической» константы нравственно идеального человека.

Научные конференции редко завершаются принятием коммюнике, не было его и в этот раз. Но мы рискнём вынести некоторое итоговое суждение о смысле и ценности события. Обыкновенно конференция полезна живым общением исследователей, можно даже воспринимать оживлённость диалога в качестве меры успешности конференции. В этом отношении конференция «Метафизика Лейбница и феноменология виртуальности» состоялась вполне, диалоги были, и были продуктивные диалоги, в которых благодаря «Другому» мы открывали для себя ранее упущенные нюансы (а иногда и пласты) казалось бы очень знакомого смысла. Мы не погрешим против истины, сказав, что все участники конференции открыты к продолжению сотрудничества.

Обзор подготовил *Игорь Зайцев*